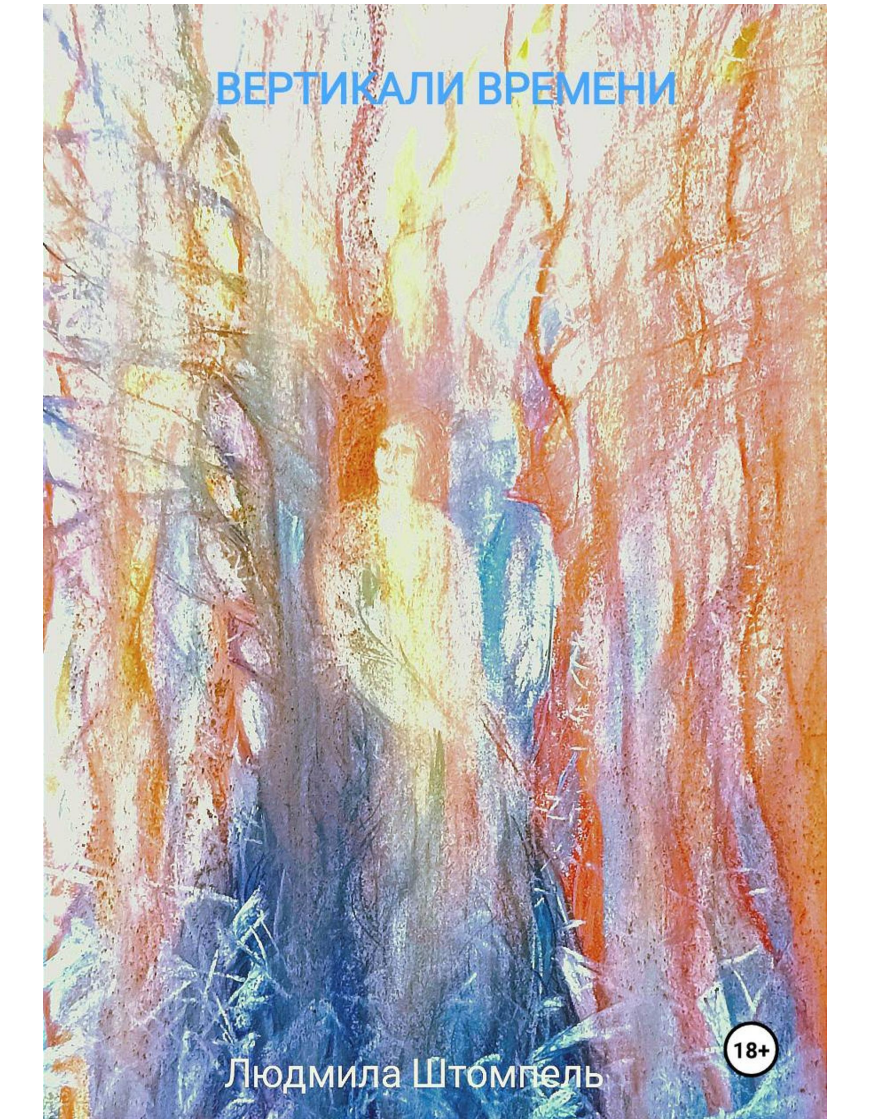

An abstract painting depicting a forest scene. The background is composed of vertical, textured strokes in shades of orange, red, and yellow, suggesting sunlight filtering through trees. In the center, a figure in a light-colored, possibly white or yellow, dress stands amidst the foliage. The foreground is filled with dark, blue, and purple strokes, representing dense undergrowth or shadows. The overall style is expressive and painterly, with visible brushstrokes and a rich, layered color palette.

ВЕРТИКАЛИ ВРЕМЕНИ

Людмила Штомпель

18+

Людмила Штомпель

Вертикали времени

<https://litres.ru/74446814>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти мужа Анна живёт в застывшем времени. Единственное, что удерживает её в настоящем, – работа чтецом аудиокниг, но её голос теперь звучит пусто и мёртво. Однажды к ней попадает рукопись, в точности описывающая ее жизнь. Читая ее вслух, Анна открывает «вертикали времени» – светящиеся порталы в прошлое, где ее Олег еще жив. Теперь ей предстоит выбрать: остаться в бесконечном прошлом, создавая миры, где муж жив, навсегда уйти в застывший счастливый день или найти в себе силы вернуться в реальность.

Глубокая психологическая драма в стиле магического реализма о том, как пережить потерю, найти свой голос и решиться жить дальше.

Людмила Штомпель

Вертикали времени

Людмила Штомпель

ВЕРТИКАЛИ ВРЕМЕНИ

Посвящается моему мужу Олегу

Время, которое не уходит

*Она ещё не знала, что у
времени есть изнанка.*

*И что она только что
ступила на неё*

Анна стояла у окна. Это окно в кабинете мужа. Она не называет его так вслух – «кабинет мужа», – потому что это звучит слишком официально, и потому что она всё ещё надеется, что он войдёт, приобнимет её за плечи и тихо скажет: «Пора на галеры. Пора работать». Но он не входит. Он не входит уже двести десять дней.

За окном – привычный городской пейзаж: дома, машины, люди. Анна смотрит на него так, будто видит в первый раз.

Она жила здесь больше двадцати лет. Двадцать лет – это

срок, за который город успевает состариться, помолодеть, умереть и воскреснуть несколько раз, и Анна была свидетелем всех его метаморфоз. Она помнила этот район в его первой, неуправленной версии, когда трамвайные рельсы, как серебряные нити, ещё лежали посередине улицы, а вагоны мягко покачивались на поворотах, выстукивая ритм на стыках. Потом рельсы сняли, и город потерял свой пульс.

Она помнила деревья, гордо стоящие на тротуарах и спасающие пешеходов от южного раскалённого солнца своей тенью: акации с запахом сладкого дурмана, липы и каштаны, смыкавшие над головой свои кроны, ёлки, которые под Новый год украшали разноцветными фонариками. Она помнила, как их рубили – не все сразу, а по одному, с интервалом в несколько лет, будто город готовил её к утрате постепенно, чтобы она привыкла. Она не привыкла.

Она помнила, как устанавливали рекламные щиты – металлические, прямоугольные, с чужими лицами. Сначала один, потом ещё один, потом они заплотнились все, и город перестал быть прозрачным. Он стал плотным, глухим, заставленным чужими словами и чужими улыбками.

Она помнила, как обновляли дорожную разметку – регулярно, каждый год. И каждый раз линии ложились иначе, будто город пробовал разные почерки: сначала уверенный, широкий, потом мелкий, нервный, потом снова широкий, но уже не такой уверенный. Анна смотрела на эти линии и понимала: город пишет сам себя. Он переписывает свою био-

графию, стирая одни главы и дописывая другие.

Но она помнила все главы. Даже те, которые были стёрты. И когда она смотрела в окно сейчас, она видела не то, что есть, а то, что было – наслобенное, спрессованное в странстве, которое она носила в себе, как старый альбом с выцветшими фотографиями.

Анна внимательно вглядывалась в городской пейзаж: новый дом напротив заслонил своим массивом близлежащий парк, частично вытеснив его, но она разглядывала не рисунок фасада. Она видела то, что было раньше: старые деревья с объёмными, похожими на огромные зелёные зонты, кронами, извивающиеся аллеи, детскую площадку и фонтан. Дом был как занавес, который опустили перед её памятью, но она всё равно помнила каждый поворот ствола, каждую скамейку, каждую аллею. Она помнила, потому что забыть – это значило потерять мужа во второй раз.

Ослеплённая заходящим солнцем, Анна вдруг увидела не дом, а то, что было здесь до него. И смотрела не глазами, а сердцем – тем местом, где оседает тепло прожитых жизней и гул давно срубленных деревьев...

Там, где теперь стоит этот бетонный монолит, когда-то был парк. Не парадный, не вылизанный, а самый обычный, городской, немного запущенный – с заросшими дорожками, облезлыми газонами и скамейками, с которых облупилась краска. Анна ходила по нему сотни раз, из года в год. И напоминала, как под ногами хрустели ветки, как одинокие тра-

винки упрямо пробивались сквозь асфальт, и как воздух менялся при переходе от одной аллеи к другой.

Акации стояли у самого входа: тонкие, немного растрёпанные, с ажурными, почти невесомыми кронами. Их мелкие, перистые листья не задерживали свет, а дробили его на тысячи бликов, и солнечные кружева ложились на лицо, на плечи, на руки. Анна помнила запах акаций – сладкий, приторный, манящий. Она почему-то всегда связывала его с началом. С тем днём, когда она впервые увидела Олега у ворот парка.

* * *

Анна ш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.